

Рис А-1169
-197
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 184

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

IX

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

TARTU 1966 TARTU

ИНОСТРАННАЯ ЦЕНзуРА В ТАРТУ В 1860-х ГОДАХ

П. С. РЕЙФМАН

21 мая 1869 г. приказом министра просвещения, без просьбы об отставке, без мотивировки ее причин, был уволен один из видных преподавателей Дерптского университета, ординарный профессор кафедры русской истории Карл-Христиан-Гергард Карлович Ширрен (1826—1910), бывший декан историко-филологического факультета, председатель «Эстонского ученого общества», редактор газеты «Dorpat'er Tagesblatt». Немилость была такова, что на ходатайство совета университета от 27 мая того же года о назначении Ширрену пенсии ответа не последовало. Лишь в 1873 г., в ответ на повторное ходатайство, новый попечитель Дерптского учебного округа сообщил, что ни его предшественник, ни он сам не сочли возможным поддержать просьбу совета¹.

Увольнение Ширрена, как неоднократно указывалось в исследованиях о Прибалтике, было вызвано появление его брошюры «Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin», Leipzig, 1869, направленной против «Окраин России» (вып. 1—2) Юрия Самарина, вышедших в 1868 г. в Праге.² Об этой причине пишет, между прочим, попечитель Дерптского учебного округа, мотивируя отклонение ходатайства о пенсии Ширрену и напоминая совету университета, что Ширрен уволен «по поводу изданного им сочинения «Livländische Antwort»³. Однако, имеются факты, которые позволяют утверждать, что брошюра Ширрена не была единственным поводом его отставки. В связи с этим вопросом оказывается весьма любопытной деятельность Ширрена как цензора иностранных книг, проверяемых в Дерпте. В фондах Центрального управления по цензурному ведомству и Министерства внутренних дел, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, имеются материалы, дополняющие наши представления об увольнении Ширрена.

В 1864 г. Центральное управление по цензурному ведомству рассматривало прошение дерптских книготорговцев. В нем говорилось, что проходящие иностранных книг, предназначаемых для Дерпта, через рижскую цензуру, приводит к неоправданной трате времени, к увеличению расходов на перевозку. Торговцы просили разрешения доставлять книги непосредственно в

¹ См. ЦГИА Эстонской ССР, ф. 402, оп. 3, № 1865, лл. 163, 164, 174. В дальнейшем обозначается: № 1865.

² См. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета, ред. Г. В. Левицкий, т. 2, Юрьев, 1903, стр. 543; Е. В. Петухов, Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет в последний период своего столетнего существования, Спб., 1906, стр. 8; Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. I, Рига, 1949, стр. 164—165; С. Г. Исаков, Остзейский вопрос в русской печати 1860 г., Тарту, 1961, стр. 149—167.

³ № 1865, л. 174 об.

Дерпт, через Псков, по Варшавской железной дороге, и цензурировать их прямо на месте. Цензура иностранных книг не возражала против такого предложения. Согласилось с ним и управление Дерптским учебным округом. Оно сообщило, что для хранения иностранных книг может быть выделено при университете помещение и что профессора готовы принять на себя обязанности цензоров. Вскоре управление округа докладывало министру внутренних дел, что помещение выделено, а проверка книг поручена на правах отдельных цензоров в пограничных городах, профессорам Ширрену и Куртцу.⁴

Прошло пять лет. В 1869 г., в одном из «всеподданейших докладов» (от 11 июля) министр внутренних дел А. Е. Тимашев, знакомя царя с историей передачи цензуры иностранных книг дерптским профессорам, настойчиво подчеркивал, что такой порядок предполагался как временный, что его необходимо изменить, так как он существует «не только без пользы для дела, но с вероятным вредом для тех интересов, ограждать которые призвана иностранная цензура». Убеждение это основывалось на официальных отчетах о деятельности Дерптской цензуры, весьма ясно свидетельствовавших «о недостаточном правильном исполнении цензирующими иностранные книги профессорами возложенной на них обязанности. А именно: в сих отчетах, за все время с 1864 г., ни разу не было показано в привозе ни одной книги, подлежащей исключению каких-либо предосудительных мест или безусловному запрещению».⁵ Министр обращал внимание, что через дерптских книготорговцев проходит большое количество иностранных книг, что по числу этих книг Дерпт превосходит многие другие города, в которых ежегодно получают сотни книг, «подлежащие безусловному запрещению, исключению мест и пр.» (л. 16). Тимашев делал вывод, «что отчетные сведения дерптских профессоров не заслуживают доверия и что сими профессорами, в противность цензурным правилам, сочинения запрещенные и подлежащие исключениям, выпускаются в свет беспрепятственно» (л. 16—16 об.). Тимашев сообщал, что когда он, на основании таких выводов, распорядился изъять цензуру иностранных книг из рук профессоров и возложить ее на дерптского цензора, те, как видно из заявления попечителя учебного округа, Кайзерлинга, ссылаясь на постановление 1864 г., объявили, что они «не находят возможным исполнить вышеизложенное распоряжение министра внутренних дел, как несогласное с законом» (л. 17). Министр просил поддержки царя, напоминая мимоходом об «известной» книге Ширрена (имеется в виду его «Ответ» Самарину), как о свидетельстве его неблагонадежности. По докладу последовала резолюция: «Высочайше повелено исполнить и вместе с тем сообщить г. Управляющему министерством народного просвещения, что попечителю Дерптского учебного округа не следовало бы давать ход протесту гг. Ширрена и Куртца». К этому времени прямого вмешательства уже не требовалось. 1-го апреля 1869 г., по собственному прошению, поданному, вероятно, не только по личной инициативе, был освобожден от цензорских обязанностей Куртц.⁶ Вообще, видимо, он главной роли во всей этой истории не играл. Профессор кафедры церковной истории и богословской литературы, а затем кафедры экзегетики⁷ и восточных языков Гейнрих Гейнрихович Куртц (1809—1890), заслуживший пенсию уже в 1860 г. и дважды временно оставляемый на следующее пятилетие в университете, был вряд ли способен на активный протест. С ним дело обошлось без скандала. За свою цензорскую деятельность он получает даже благодарность попечителя Дерптского учебного округа. Через год (27 апреля 1870 г.) Куртц без шума уволен в отставку «за выслугою срока» (№ 908, л. 84 об.). Ему выплачивают пенсию, которая после смерти Куртца переходит

⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 33, дело «О цензуровании иностранных книг, получаемых в Дерпте из-за границы, при Дерптском университете».

⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 1, № 5, лл. 15 об. — 16. В дальнейшем ссылки на листы этого дела указываются в скобках в тексте.

⁶ ЦГИА Эсгонской ССР, ф. 402, оп. 3, № 908, л. 67.

⁷ Отрасль богословия, связанная с толкованием богословских текстов.

его семье. По-иному поступили с Ширреном. 14 мая 1869 г. он был отрешен от обязанностей цензора (№ 1865, л. 162), а 21 мая приказом министра уволен из университета.

В исследованиях по истории Прибалтики весьма справедливо отмечалось, что «оппозиционность» прибалтийских «либералов», видным представителем которых являлся Ширрен, царскому правительству была весьма условной, что объективно они защищали интересы немецких помещиков и т. п. (см., напр., вышеупоминаемую книгу Я. Зутиса). Следует, однако, помнить и то, что полемизировали с ними, большей частью, литераторы славянофильского и официально-реакционного лагеря. Критика, нередко справедливая, положения в Остзейском крае шла в русле славянофильско-катковских нападок на польский, украинский, финский и пр. «сепаратизмы», в русле реакционной шовинистической пропаганды. Следует помнить и то, что действия, далекие не только от всякой революционности, но и от всякой прогрессивности, могли в определенной ситуации, безотносительно к причинам, их вызвавшим, приобретать объективно прогрессивный смысл. Какими бы доводами ни руководствовался Ширрен (а их не следует идеализировать), нельзя не признать, что, благодаря ему, в течение 5 лет иностранные книги могли проникать в Россию через Дерпт, минуя цензурные препятствия.